

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47).07

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111

«ДЕЛО ПРОФЕССОРОВ» 1821 г. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Т.Н. Жуковская

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрен идейно-политический контекст и сущность так называемых университетских контрреформ последних лет царствования Александра I. Их идеологами и главными акторами стали М.Л. Магницкий и Д.П. Рунич, попечители, соответственно, Казанского и Петербургского учебных округов, снискавшие репутацию «гасильников» просвещения и карьеристов. Автор отмечает, что наиболее болезненными контрреформы стали для недавно организованного Санкт-Петербургского университета (1819), который в ходе суда «лишился» своих лучших профессоров (Э. Раупаха, К.И. Арсеньева, К.Ф. Германа, А.И. Галича, а вскоре и М.А. Балугьянского, первого ректора, ориенталистов Ш. Деманжа и Ф. Шармуа, М.Г. Плисова), а также части студентов. Подчеркивается, что столичная публика впервые проявила общественное сочувствие к изгнанным ученым и университету в целом. Систематизация имеющихся свидетельств о «деле профессоров», как мемуарных, так и извлеченных из ведомственного и университетского делопроизводства, помогает дать современную оценку «дела профессоров» как казуса, отражающего не только кризис прежнего либерального курса в политике просвещения, но и поиски национальной модели университета.

Ключевые слова: история Санкт-Петербургского университета, профессора, Министерство духовных дел и народного просвещения, Главное правление училищ, Д.П. Рунич, М.Л. Магницкий

Царствование Александра I было насыщено интенсивными внешне- и внутривнутриполитическими событиями, реформами, идеологическими проектами, апробацией новых моделей управления. В то же время за два с половиной десятилетия его правления изменились формы публичности и механизм взаимодействия общества и власти. История, произошедшая в 1821 г. в Санкт-Петербургском университете и определенная министром духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицыным как «дело о профессорах», стала своеобразной развилкой на пути

реформирования всей системы просвещения. Она выявила несколько важных моментов.

1. Упомянутый конфликт стал выражением кризиса модели либерального университета, заимствованной в 1802–1804 гг. из Германии и отраженной в первых университетских уставах, но не обеспеченной ни самостоятельностью мышления и поведения малочисленного ученого сословия, ни статусом университета в системе государственных учреждений, который оставался неопределенным. В 1821 г. производится попытка заменить университет светский на университет клерикальный, полностью управляемый извне, полицейский. Такой университет в чистом виде нигде в Европе не существовал, но к 1821 г. он сложился как образ в программных текстах идеологов контрреформ М.Л. Магницкого и Д.П. Рунича.

2. «Дело профессоров» обнаружило кризис прежней модели управления университетом через его попечителей, которые в предыдущие два десятилетия как садовники заботились о процветании молодого древа. Этот тип попечителей воплощали А. Чарторыйский в Вильно, С. Потоцкий в Харькове, Н.Н. Новосильцев и С.С. Уваров в столичном учебном округе. На смену им приходят попечители-ревизоры, обличители обнаруженных административных «неустройств» своих предшественников и открытого ими в преподавании духа «вольнодумства и безбожия», якобы угрожающего прочности самого государства.

3. Дискредитация, шельмование и бессудные увольнения, которым были подвергнуты профессора Петербургского университета в 1821 г., вызвали общественное сочувствие к обвиняемым и привели, образно говоря, к изменению положения университета на общественной карте столицы. Столичная публика, прежде равнодушная к университету и не заинтересованная в университетском образовании (что отражал недворянский основной состав студентов и малочисленность вольнослушателей), только благодаря скандальному «делу» 1821 г. определила свое отношение к университету. Как писал один из обвиняемых профессоров К.И. Арсеньев, «общественное мнение чуть ли тогда не в первый раз проявившееся, было сильно возбуждено против Рунича и Магницкого, их обоих с их сателлитами огласили везде обскурантами, гасильниками просвещения, а нас величали мучениками за науку и за правду. Дотоле в городе мало знали об университете, весьма мало интересовались его судьбами, теперь многие сторонние к делу люди хотели знать все подробности “суда нечестивых”, как называли они суд над нами. Вообще вся просвещенная публика принимала живое участие в судьбе нашей» (Арс., с. 35).

4. Обстоятельства внесудебного разбора мнимых политических и религиозных «преступлений» профессоров, результатом которого стало изгнание обвиняемых и удаление от университета тех, кто посмел за них заступиться, шантаж и деморализация оставшихся, надолго ослабили профессорскую корпорацию Петербургского университета и привели к падению уровня преподавания. Университетская история 1821 г. выявила слабость академической корпорации, отсутствие корпоративного сознания, неспособность себя защитить от очевидно абсурдных обвинений.

5. Наконец, «дело профессоров» встраивалось в систему похожих обличительных дел по другим университетам, таких как ревизия и кадровая чистка в Казанском университете в 1819–1820 гг., гонения на философию в Харьковском

университете (дело профессора Й. Шада 1817 г.) и в Московском (донос Магницкого в 1823 г. на профессора И.И. Давыдова); преследование в 1823–1824 гг. в Виленском университете студенческих патриотических обществ и увольнение профессоров Й. Лелевеля, И. Даниловича, Ю. Голуховского. Антиуниверситетская кампания проводилась при поддержке министра А.Н. Голицына, но дискредитация «ученого сословия», воспринятая обществом и самим императором негативно, закончилась отставкой министра, а вскоре, уже в новое царствование, разоблачением «обличителей», Магницкого и Рунича. После этого была выведена из употребления и риторика обличений [1].

Источники, в которых отражено «дело профессоров», разнообразны. Это, прежде всего, многочисленные «мнения» о конфликте, поданные М.Л. Магницким и Д.П. Руничем, написанные в стилистике обличений и доносов и относящиеся к тому времени, когда оба чиновника возглавляли учебные округа. К ним примыкают рапорты обоих попечителей о мерах по «оздоровлению» подведомственных университетов, протоколы заседаний Главного правления училищ, где обсуждались и решались университетские конфликты, бумаги канцелярий попечителей, а также университетское делопроизводство, мемуары и переписка современников.

Отметим, что Магницкий уже из ревельской ссылки, то есть в начале 30-х годов XIX в., слал составленные по канонам конспирологии записки и «мнения», в которых продолжал обличать все виды заговоров, в том числе «иллюминатство академическое», докучая новому императору Николаю I. Тем самым ссыльный сановник настаивал на последовательности и обоснованности своих действий, добивался реабилитации, но безуспешно (Два доноса; Магн. 1). Об устройстве университетов по уставам 1804 г. Магницкий говорил как о деле, вдохновленном иллюминатами для нравственного разрушения России. При этом иллюминатами он называл всех, кто участвовал в разработке уставов: «Уставы университетов открыли широкую дверь иноземному иллюминатству. К нам приехали такие люди, которых потом насилу выгнали; но уже с чинами и с деньгами русскими (Шад, Броннер, Раупах и пр.). Я, между прочим, нашел в Казанском университете в 1819-м уже году профессора Броннера, который, быв иезуитом, обокрал монастырь, бежал из него, переменял религию, и будучи выписан к нам, сделан прямо ординарным профессором, то есть надворным советником, имеющим право купить недвижимое имение...»¹ (Магн. 1, л. 84–84 об.) Д.П. Рунич также прибегал к тактике защиты через новые обличения, выставляя в невыгодном свете своих противников: в отчетах по управлению университетом, в «мнениях» о необходимости расширении своих полномочий, а позже в своих мемуарах (Рунич).

В совокупности тексты, исходившие от контрреформаторов просвещения, в том числе недавно переизданные (Магн. 2), повторяют общие места о необходимости «истинного» просвещения для России в противовес «ложному» и противодействия злу «неверия» и «якобинизма». Они наполнены риторикой обличений, но в практической своей части не предлагают ничего, кроме усиления администрации, контроля, полицейских и запретительных мер. Эти разоблачения

¹ Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка. – Т. Ж.

произвели впечатление на А.Н. Голицына и самого Александра I своим эмоциональным напором и риторикой, питая фобию императора о существовании «объединенного всеевропейского заговора против алтарей и тронов» [2], но эффект этих разоблачений оказался временным. Программа контрреформаторов предполагала насаждение клерикального университета с выхолащенной программой преподавания, с тотальным надзором за профессорами и студентами под жестким административным управлением, при этом положительная часть программы выглядела очень слабой. Это было понятно их оппонентам, прежде всего С.С. Уварову, при обсуждении нововведений 1819–1821 гг. в министерстве и Главном правлении училищ.

Разгромив «ложное», по определению обличителей, просвещение, контрреформаторы усилили административную зависимость университета, но не построили просвещения «истинного», более того, не смогли указать и пути его достижения. Основной целью их было отнюдь не реформирование российских университетов, якобы «подкопанных... у самого основания» (Материалы, с. 231), а, прежде всего, собственное возвышение и поддержание репутации исключительных экспертов по «истинному» просвещению. Всерьез называть их сегодня реформаторами, идеологами «христианского просвещения», как это делается в новейших трудах о Магницком², можно только переопределив понятийный словарь историка. Тогда следует заново формулировать, что такое реформы и контрреформы, просвещение, консерватизм и реакция, прогресс и упадок.

Д.П. Рунич в своих разоблачениях и предложениях по переустройству Петербургского университета повторял приемы и действия М.Л. Магницкого, иногда прямо на него ссылаясь. С.С. Уваров совершенно справедливо характеризовал их действия как коллективные и организованные, как деятельность «партии» (см. [3]). При обсуждении ключевых вопросов университетских преобразований в Главном правлении училищ, таких как проект устава для Петербургского университета, представленный Уваровым (1819), запрещение книги А.П. Куницына «Естественное право», его увольнение из университета и Царскосельского лицея (1820), наконец, «дело о профессорах» Петербургского университета, они действовали в согласии, создавая перевес голосов и направляя обсуждение в нужное русло.

Административные провалы Д.П. Рунича на посту попечителя через 3–4 года управления были очевидны: репрессии лучших профессоров и неудачные кадровые назначения, «разбор» студентов по способностям и «нравственности» с последующим исключением их значительного числа, незавершенное строительство и перемещение университета на окраину города, огромные невозместимые расходы государственных сумм, медленная ликвидация последствий наводнения 1824 г., запущенное делопроизводство, раздувшиеся штаты попечительской

² На сайте Института русской цивилизации, издавшего труды М.Л. Магницкого, и в современной философской энциклопедии (!), повторяется следующая его характеристика: «Русский государственный деятель, ... активно выступал против масонско-космополитической системы образования, насаждаемой в России в царствование Александра I... Предлагал строить народное образование на Православии и следовании духовным традициям России. Успехи России в истинном просвещении предлагал показывать в духе заветов Владимира Мономаха. Основы духовной философии должно излагать по посланиям ап. Павла. <...> За эти очевидные для православного человека истины Магницкий был подвергнут травле и клевете со стороны масонов» (URL: http://www.rusinst.ru/trudy-instituta/russkaya-civilizaciya1/pravoslavnoe_prosveschenie.html, свободный).

канцелярии и т. д. Эти провалы невозможно было долго маскировать риторикой борьбы за «истинное» просвещение и ссылками на анархию, допущенную предшественником. В последний год пребывания у власти попытки Рунича противодействовать распространению на Петербургский университет устава Московского, а также требования в связи с политическим кризисом 14 декабря 1825 г. еще более расширить полномочия попечителя уже наталкивались на жесткую критику со стороны нового министра А.С. Шишкова.

Попытка усмотреть в проектах и действиях М.Л. Магницкого административную необходимость и оценить его меры в отношении Казанского университета как его оздоровление, то есть как подлинное реформирование [4], можно только вынося ее из общеполитического контекста и из жизненного сценария этой личности. Если же поместить эту деятельность в контекст его биографии и предшествующей опалы, которая, несомненно, определяла амбиции и карьерные стратегии Магницкого в 1819–1825 гг., и при этом учесть его общественную репутацию, которая не изменилась и после смерти, то приходится признать, что управление Магницкого в Казанском университете (как и управление Рунича в Петербургском), не позволяет дать этому деятелю характеристики, в корне отличные от тех, что были предложены более ста лет назад М.И. Сухомлиновым, Е.М. Феоктистовым, С.В. Рождественским.

Новейшие биографы Магницкого и Рунича склонны объяснять крайности их методов по «духовному очищению» университетов глубокой личной религиозностью и чуть ли не духовным миссионерством. Это объяснение по меньшей мере спорно с точки зрения психологии личности и интеллектуальных биографий людей века Просвещения. Секулярный характер мировоззрения в молодости может обратиться в истовую религиозность постепенно, под влиянием опыта или в результате духовных потрясений, как это произошло с Александром I. Но это не случай Магницкого и Рунича. Несмотря на пережитые кризисы, еще за год до своего назначения экспертами в Главное правление училищ оба они находились в свободном духовном поиске и спасение от «неверия» находили не в ортодоксальной религиозности, а в масонских таинствах. Д.П. Рунич еще в 1819 г. посещал масонскую ложу, что пытался скрыть при составлении подписки о непринадлежности к тайным обществам в 1822 г. [5, с. 260].

В своих действиях Рунич и Магницкий руководствовались прежде всего изменившейся идеологической конъюнктурой, а не глубокой православной верой или религиозными идеями. С.С. Уваров, так же как А.С. Пушкин и братья Тургеневы, справедливо обвинял их в религиозном ханжестве. Актерство Магницкого как черту характера, а также «фиглярство» Рунича, открывшееся во время суда над профессорами, упоминают мемуаристы. Представление их глубокими религиозными мыслителями, на наш взгляд, является большой натяжкой. Известно, что Магницкий в конце жизни чрезвычайно упрощал свои отношения с церковью, стал в вере «совершенный простец». Он говорил: «Моя вера – кучерская, мы ходим с моим кучером в одну церковь», мешал религиозные таинства и обряды с суевериями [6, с. 302].

Ханжество Магницкого проявилось, в частности, в том, что он написал благостные воспоминания на смерть Сперанского, как бы сближаясь с ним посмертно в глазах читателя, хотя Сперанский знал настоящую цену этой «дружбе», советуя

в письмах дочери держаться от Магницкого подальше. Последний перед смертью «примирился с теми, кого жестоко обидел при жизни» (Магн. 2, с. 67). Рунич также спустя тридцать лет после «дела профессоров» просил прощения в письме у изгнанного им из университета К.И. Арсеньева, а может быть, и не только у него.

Не стоит усложнять и вопрос о политической платформе «пересоздателей» российских университетов. И в этом случае обращение их в ультраконсерваторов и охранителей было ответом на необходимость попасть в новые конъюнктурные рамки. Более того, они претендовали на то, чтобы самими эти рамки определять. «Непомерное желание выслужиться», – так охарактеризовал Н.И. Тургенев в 1818 г. мотивы действий Магницкого, еще бывшего гражданским губернатором в Симбирске (АБТ, с. 132).

Деятельность Магницкого в Казани и ее успех всего через год послужили моделью для Рунича. Став в мае 1821 г. по протекции Магницкого исполняющим обязанности попечителя столичного учебного округа, Рунич понимал, что дело борьбы с антигосударственными и антицерковными «умствованиями» получит поддержку в министерстве и отвечает настроениям императора. Как и Магницкий, Рунич желал не только добиться громких разоблачений, но и снискать славу «нового реформатора» просвещения, затмить своего предшественника, С.С. Уварова, которому удалось превратить Педагогический институт в Петербурге в университет, сохранив его уникальный профиль. Еще дальше, видимо, простирались амбиции Магницкого, который по своему влиянию и активности в 1820–1824 гг. готов был отодвинуть А.Н. Голицына и занять министерское кресло.

Обращение к документам, прежде всего, к недостаточно изученному университетскому делопроизводству, позволяет конкретизировать хронику «дела профессоров», установить связь его с другими административными и идеологическими успехами «партии» Рунича–Магницкого, реконструировать коллективный портрет корпорации профессоров в критической ситуации, оценить нанесенный ей урон и общий регресс университета, проследить реакцию на этот конфликт в министерстве, личную роль в нем А.Н. Голицына. В то же время анализ этого конфликта позволяет уловить отношение к «делу профессоров» и судьбам университетов со стороны российского общества.

Несомненно, что «подкоп» под Петербургский университет начался еще до назначения Рунича. В апреле 1821 г. директор университета Д.А. Кавелин (ставленник Голицына и вскоре – ближайший сотрудник Рунича в обосновании обвинений против профессоров) адресовал рапорт о ненадлежащем преподавании всеобщей истории профессором Э. Раупахом (ЦГИА СПб.). Незадолго до этого, в январе 1821 г., Кавелин доносил о беспорядках в университетском Благородном пансионе, причиной которых назвал вредный «дух преподавания», приведший к падению нравственности воспитанников. Уже тогда для исправления нравов он рекомендовал пересмотреть программу преподавания: составить новые курсы философии, естественного права, истории и политической экономии, которые «не противоречили бы учению Откровения, но, не закрывая мраком премудрия, поистине его подтверждали», и уволить тех преподавателей, которые не будут соответствовать этим требованиям (Рождественский, с. XLII).

Высмеявший Кавелина С.С. Уваров вскоре добровольно оставляет должность попечителя.

Высказанные Кавелиным обвинения подрывали репутацию университета в дворянской среде и бросали тень на профессоров-иностранцев, которым протежировал С.С. Уваров. Один из них, Э. Раупах, в 1819 г. должен был стать ректором университета по выбору корпорации, но по настоянию министра Голицына итоги выборов были пересмотрены. Преподаванием Раупаха, его независимостью и «духом заносчивости», с каким тот парировал обвинения в непрофессионализме, сразу же заинтересовался Рунич, едва занял должность попечителя. Уже в августе 1821 г. он отдал распоряжение собрать студенческие тетради по истории (а заодно по философии, статистике и политической экономии) и таким образом подвергнуть ревизии содержание преподаваемых наук, ожидая (!) найти там основания к изгнанию из университета чересчур «заносчивых» ученых и тем склонить к подчинению остальных.

Иными словами, личный принцип репрессий со стороны нового попечителя с самого начала был очевиден и дополнял стремление «очистить» преподавание социальных и политических наук. Из четверых обвиняемых, судя по протоколам суда и их личным письменным объяснениям, Э. Раупах держался наиболее независимо, последовательно отклонял обвинения и не просил прощения, как его коллега А.И. Галич. Министр А.Н. Голицын за строптивость готов был отдать Раупаха под суд и выслать с позором из России. Раупаху удалось получить разрешение на выезд из России еще до окончания разбирательства, в июне 1822 г., после подачи обращения на высочайшее имя. Он представил традиционное обоснование, отпрашиваясь якобы для лечения на водах, и был отпущен в Германию. Через год Раупах снова обратился к министру с просьбой о возвращении записей своих университетских курсов по всеобщей истории, но получил отказ (РГИА 1).

К четырем профессорам, первоначально обвиненным в пропаганде вольнодумства и безбожия, были прибавлены и те ученые, кто наиболее независимо держался во время разбирательства, пытался защитить обвиняемых и репутацию университета как корпорации. Это были экономист М.А. Балугьянский, преподаватели восточной словесности Ж. Деманж и Ф. Шармуа, а также историк права адъюнкт М.Г. Плисов. Все они были отстранены от преподавания. Правда, пользуясь авторитетом при дворе М.А. Балугьянский, хотя и был освобожден от чтения лекций, продолжал получать профессорское жалование и числился при университете до 1825 г.

М.Г. Плисов после заседаний Конференции университета с допросами обвиняемых 3, 4 и 7 ноября 1821 г. делал подробные записи с объективным освещением происходившего (Плисов). Его «Записка» была передана С.С. Уварову, затем она, по свидетельству Н.И. Греча, «разошлась по рукам» и стала источником информации и основанием суждений об этом деле в публике (Греч, с. 223–225). Таким образом неофициальная версия «дела профессоров» стала достоянием гласности.

Хроника чрезвычайных заседаний в университете, длившихся по 10–11 часов без перерыва, свидетельствует, что Д.П. Рунич тщательно готовил свои «разоблачения» и имел последовательный план дискредитации профессоров. Он использовал риторику уличений, которая принята в уголовном процессе. Вопросы

пункты, на которые отвечали обвиняемые, уже содержали определение их действий и даже умыслов как преступных, подрывающих устои христианской веры и государственности (Материалы, с. 170–209). Но главное – эта процедура, небывалая в академическом обиходе, деморализовала весь университет.

Н.И. Греч в своих воспоминаниях, отталкиваясь, несомненно, от «Записки» М.Г. Плисова, представил разделение университетской коллегии на две партии: «белую» и «черную». К первой были отнесены те профессора, которые выражали свое мнение «по долгу правды и чести» (мемуаристом названы М.А. Балугьянский, словесник Н.И. Бутырский, юрист М.Г. Плисов, ориенталисты Ф. Шармуа, Ж. Деманж, филолог-классик Ф.Б. Грефе, математик Д.С. Чижов, химик М.Ф. Соловьев, зоолог А.В. Ржевский, латинист К.Ф. Радлов и директор училищ Петербургской губернии И.О. Тимковский). Вторая партия действовала по «зависти, подлости, трусости и желанию выслужиться у гнусного начальства». К ней Греч причислил преподавателя французской словесности А.А. Дегурова, географа Е.Ф. Зябловского, словесника Я.В. Толмачева, историка Т.О. Рогова, преподавателя древних языков Д.П. Попова и физика Н.П. (Греч, с. 223–225). Характеристики Греча несколько расходятся с данными журналов чрезвычайных заседаний Конференции, которые редактировались Руничем (Материалы, с. 170–209).

Таким образом, «дело профессоров» стало первым конфликтом внутри корпорации, который не был исчерпан после удаления одних и передачи читаемых ими курсов другим преподавателям. Во времена Педагогического института внутрикорпоративных конфликтов не было. Если развернуть определение Н.И. Греча, то фактически профессура разделилась по образу действий на «европейскую» и «неевропейскую» партии. Представители второй отличались сервильностью и готовы были сделать все, что скажет начальство, быть униженными в обмен на карьерные приобретения. «Европейцы» же в своем поведении проявляли строптивость и независимость, насколько это было возможно в подавленном состоянии, а то и в изоляции от коллег, демонстрировали понятия об академической независимости, высоком статусе профессора, личной чести. Французы Деманж и Шармуа заявили «протестации» против самой процедуры обсуждения и обвинения своих коллег (но «и нас не спасли, и себе повредили», как пишет о них К.И. Арсеньев (Арс., с. 34), и вскоре подали рапорты об увольнении.

Сочувствие обвиняемым и осуждение самой процедуры разбирательства помимо названных Гречем лиц высказали также профессор философии П.Д. Лодий, астроном В.К. Вишнеvский, учитель английского языка И.Я. Полнер и даже университетский законоучитель протоиерей А.И. Малов. Они просили дать обвиняемым возможность защищать себя. М.Л. Магницкий, кстати, также принял участие в «судилище», правда, заочно, представив свои соображения по поводу книги К.И. Арсеньева «Начертание статистики Российского государства». Содержащиеся в книге Арсеньева сведения о количестве выпущенных ассигнаций, почерпнутые автором в открытых источниках, были объявлены попыткой разглашения государственной тайны.

Как пособия Рунича повели себя А.И. Дегуров, Я.В. Толмачев, Т.О. Рогов, Е.Ф. Зябловский, ставшие основными бенефициарами кадровых рокировок после увольнения «вольнодумцев». Зябловский, а затем на три срока Дегуров

получили ректорскую должность. Среди четверых обвиняемых сервильную тактику защиты избрал А.И. Галич, который принял все обвинения и раскаялся, прося «не помянуть грехов юности и неведения».

Во время трехдневного «судилища» 3, 4 и 7 ноября Рунич и Кавелин, руководившие заседанием, морально подавляли профессоров, запугивали, провоцировали, ссорили, чтобы создать ощущение растерянности и получить больше компрометирующих материалов. Ф. Шармуа, приславшего на второй день «протестацию» против порядка суда, вынуждали просить прощения у собрания и лично у председателя (Рунича). Обвиняемым запретили вход в университет и не позволяли общаться с коллегами и студентами (от лекций они были отстранены еще раньше, с 20-х чисел сентября). Допрос их проводился поочередно в течение трех дней, каждого допрашивали в форме «конвейера». Общаться между собой они могли бы только за пределами университета, но едва ли делали это в состоянии подавленности. Эта история, конечно, запугала студентов, из которых многие были вскоре также отчислены. Поведение профессоров, отраженное протоколами, обнажает конфликт профессиональной идентичности и правового статуса представителей «ученого сословия».

Александр I в университетском вопросе в это время, судя по всему, доверялся лично близкому к нему А.Н. Голицыну и сохранял позицию невмешательства в университетские конфликты. Поэтому он не принял во внимание аргументов С.С. Уварова, высказанных по поводу «дела профессоров» в письмах на высочайшее имя от 18 и 20 ноября 1821 г. накануне рассмотрения дела в Главном правлении училищ. Обвинения, выдвинутые Руничем против профессоров, как определил С.С. Уваров, – это «такое чудовищное и странное извращение идей и личностей», что само создает опасность для авторитета государства. «Среди XIX столетия, на 20-м году царствования Вашего Императорского величества, в 30 шагах от Вашей царской резиденции, осмелились произвести страшный террор, ...угрожать разжалованием в солдаты мирных студентов, которых не удалось возмутить, угрожать им тюрьмою и Сибирью, вынуждать от них кощунственной присяги...» – так характеризует Уваров методы реакционеров. «Все эти скандалы, – продолжает он, – были превзойдены процедурю университетских конференций, во время которых все было попорно до поругания человеческого достоинства» (Уваров, с. 378–384). Протест Уварова, высказанный в сильных выражениях, его попытка посвятить императора в существо «университетского дела», открыть наличие в нем откровенных фальсификаций, умысла и личных интересов со стороны «негодяев», не были услышаны, а само его обращение вызвало гнев Александра I.

Однако выступление Уварова не осталось одиноким голосом «честного человека», оно было превращено в общественную акцию. Благодаря открытой защите профессоров бывшим попечителем университета, в этот конфликт оказался посвящен круг литераторов-«арзамасцев», а через них и все просвещенное общество столицы. Не случайно мы находим близкие по тональности и содержанию характеристики этой истории в дневниках и письмах Н.И. Тургенева, мемуарах Н.И. Греча, декабристов, неподцензурных стихах А.С. Пушкина. Уваров смог донести до петербургского общества мысль о том, что «титлом защитников трона и алтаря» (Уваров, с. 382) украсились беспринципные карьеристы,

сами прежде обвиненные в нарушении «общественного спокойствия». Уваров доказывал отсутствие состава преступления в «мнимом заговоре» целого «университетского сословия», раздутом незаконным следствием до чудовищных обвинений. Он требовал, чтобы профессорам университета была предоставлена возможность защитить себя и опровергнуть возведенную на них клевету. Условием прекращения «дела профессоров» Уваров считал добрую волю императора и гласность. Он и предлагал пересмотреть это дело на основании университетских протоколов и подлинных программ преподавания всеобщей истории, статистики, философии, а не на основании «экстрактов» из студенческих конспектов, произвольно препарированных и перетолкованных Руничем. (Сухомлинов, с. 383–384).

Действуя в согласии с Руничем, Магницкий поддержал его при обсуждении «дела профессоров» в Главном правлении училищ, которое происходило в декабре 1821 г. Магницкий, как писал К.И. Арсеньев, «громогласнее всех вопиях против нас и увлек большую часть своих сочленов на свою сторону. Он напугал их воображение картинами неустойчивости в западной Европе, где действительно заметно было сильное волнение в умах, особенно в Германии» (Арс, с. 37). Связь между делом «казанским» и «петербургским» для современников была очевидна, так как «действия Рунича по университету Петербургскому были оправдательным актом действий Магницкого в Казани» (Арс, с. 38).

Хроника обсуждения «дела профессоров» в Главном правлении училищ с рассмотрением объяснений, полученных от обвиняемых, до сих пор подробно не рассматривалась и представляет самостоятельное делопроизводство, частью которого являются 107 тетрадей со студенческими конспектами лекций опальных профессоров (РГИА 2). Не все члены Главного правления училищ приняли версию о «заговоре профессоров». Князь А.Б. Куракин подал в Комитет министров, где должно было далее рассматриваться дело, особое «мнение», где выразил опасения, что эта заведомо непопулярная акция подорвет авторитет правительства, поскольку возникли толки, «разглашенные не только в здешней публике, но и во всей России и, вероятно, корреспонденциею переданные в другие государства» [8, с. 391].

16 января 1822 г. А.Н. Голицын представил Александру I министерский доклад, определяющий суть дела как преступления против основ государственности и предлагающий карательные меры. Император распорядился внести дело в Комитет министров, но не дал ни устной, ни письменной резолюции. Комитет министров, усмотрев в деле вопиющие нарушения доказательности и законности, отложил принятие решения по всем его фигурантам, которые, однако, остались под следствием на неопределенный срок. Летом 1822 г., как уже говорилось, Раупаху дали уехать на родину, Ш. Деманж вскоре также уехал навсегда, а Ф. Шармуа перешел преподавать в учебный отдел Азиатского департамента. В 1831 г. после снятия обвинений он вернулся в университет.

Промежуточным итогом «дела профессоров» стало увольнение из университета всех четверых обвиненных и высылка Э. Раупаха из России. После этих событий, по воспоминаниям студентов той поры П. Савельева и А. Никитенко, «немецкая фракция» преподавателей стала более замкнутой, держась изолированно

и не допуская других в свой круг (Савельев, с. LIV). Но само «дело» не могло считаться окончанным.

Для его решения была составлена комиссия, действовавшая еще в течение пяти лет (1822–1827), которая, однако, не преуспела в установлении меры вины, хотя и не оправдала фигурантов этой затянувшейся истории. Самим же профессорам было запрещено по этому поводу объясняться и оправдываться (Арс., с. 37). Признать обвинения Рунича справедливыми или, наоборот, снять их было одинаково неудобно – слишком явным представлялся не только российской и европейской публике, но и самим администраторам просвещения заказной характер «дела» и незаконность действий попечителя округа в отношении Петербургского университета. Международный резонанс «дела профессоров» в просвещенной Европе³ мог быть неприятным. Это, видимо, понял А.Н. Голицын, к которому лично обращались обвиняемые, понял и Александр I. После одного из докладов Голицына о ходе разбирательства император якобы, сказал: «Жаль, что я в таком святом деле погорячился!» (Арс., с. 35).

Снисхождение к репрессированным проявилось в разрешении им вернуться на педагогическую и академическую службу и в практике неупоминания в их служебных формулярах о прикосновенности к скандальному процессу 1821 г. Точно так же было решено не отражать в формулярах членство профессоров в созданном Д.П. Руничем Строительном комитете, деятельность которого окончилась еще одним следственным делом, миллионным долгом университета Государственному банку и крахом проектов строительства.

Добившись своими разоблачениями огромного влияния в Главном правлении училищ, Магницкий в начале 20-х годов рассчитывал стать преемником А.Н. Голицына. Не случайно в 1823–1824 гг. он, как неумолкающий оракул, разразился новой серией личных обращений к императору с изобличением всевозможных заговоров. Рунич, как тень Магницкого, тоже продолжал клеймить «врагов истинного просвещения», чтобы отвлечь внимание от своих административных провалов и от упадка столичного университета, в котором в 1826 г. числилось чуть более 80 студентов.

Представляется, что сама форма «ревизии», на которую обратила внимание Е.А. Вишленкова [4], как метод прямого управления через сановника, наделенного чрезвычайными полномочиями, не была случайной находкой, она апробировалась не раз в пространстве территориального управления. Известно, что Александр I, назначая Магницкого в 1819 г., при встрече якобы дал ему «карт-бланш» на любые меры по «оздоровлению» университета и округа (оставим точность изложения этого эпизода на совести Магницкого) (Магн. 2, с. 437). Широкие административные полномочия и свободу действий при полной личной доверенности получили в 1819–1824 гг. близкие царю А.Д. Балашов, А.Ф. Клокачев и С.И. Минацкий, сделанные главами новых генерал-губернаторств («наместничеств») – административно-территориальных образований, которые одни историки связывают с последними конституционными проектами Александра I, другие – с планами административного переустройства империи [5, 10]. И.И. Дибич

³ Вернувшегося в Германию Раупаха, чья литературная известность только росла, воспринимали как несправедливо осужденного в России.

в 1824–1825 гг. имел особые полномочия далеко за пределами военного ведомства, которое курировал по должности начальника Главного штаба.

Новые университетские попечители-ревизоры также облеклись особым доверием императора и от своего имени могли (или думали, что могли) производить реконструкцию университетских отношений в обход законодательства и установленных их предшественниками традиций. Более того, оба ревизора начали с дискредитации своих предшественников в качестве способа самопрезентации и обоснования предложенных ими «исправлений». Так делают все администраторы-карьеристы. Ревизия как способ управления был понятен Магницкому по прежнему опыту управления Воронежской губернией. Д.П. Рунич, в прошлом помощник Московского почт-директора, занимавшийся перлюстрацией писем, прекрасно представлял методы фабрикации сводных донесений о «вредных идеях и настроениях». Словом, оба ревизора опирались на свой служебный опыт. Формируя идейную базу под свои контрреформаторские проекты, они не выходили за рамки кругозора просвещенных сановников-дилетантов.

Д.П. Рунич, вероятно, искренне увлекался сначала масонской и мистической, а во второй половине жизни ортодоксальной духовной литературой. Различия между двумя «гонителями университетов» в данном случае не важны. Не обладают также «смягчающим эффектом» образованность Н.Н. Новосильцова и конституционно-реформистские идеалы его молодости, поскольку он как попечитель Виленского учебного округа продолжил линию дискредитации просвещения, обнаружив в Виленском университете тайные общества студентов и профессоров и организовав против их участников уже настоящее полицейское преследование. Его полномочия и действия в Вильно в 1823–1824 гг. продолжали ту же административную практику ревизий с «разоблачениями».

Ревизии университетов, развернутые Магницким и Руничем в понятных им формах «сенатских ревизий» XVIII – начала XIX вв. были усилены идеологическим штурмом «готических форм» автономного университета. Но, воображая себя «генерал-губернаторами» учебных округов, ревизоры оказались профанами там, где требовались квалифицированное администрирование науки, понимание специфики университетской организации и интеллектуального труда, собственные связи в научном мире и представления о европейской науке второго десятилетия XIX в. в ее основных областях. Таким капиталом, в отличие от своих предшественников, попечители-ревизоры не располагали. Поэтому миссия обоих оказалась в конечном счете проваленной, а репутация – навсегда пошатнувшейся.

Неожиданное общественное внимание и сочувствие к университетской истории 1821 г. отражает пьеса А.С. Грибоедова «Горе от ума». Ядовитые суждения об учености как источнике опасности автор вкладывает в уста не вызывающей симпатии княгини Тугоуховской:

*Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и безверьи
Профессоры!! – У них учился наш родня,
И вышел! Хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи!
От женицын бегают, и даже от меня!*

*Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник*

(Грибоедов А.С. Горе от ума. Действ. III, явление 7)

Упомянув Педагогический институт, который к тому времени уже стал университетом, княгиня буквально воспроизвела обвинительный ряд «дела профессоров» («расколы», «безверье», отрицание «чинов», то есть государственного порядка), который был выстроен Руничем и поддержан А.Н. Голицыным. А главный герой комедии, на стороне которого остаются все симпатии зрителя, оказывается из той же партии, что и презренные «ботаники», воспитанные крамольными профессорами.

Общественное мнение, которое, как предостерегал Магницкий еще в 1808 г., способно было «потрясать» государства и правительства [7, с. 269], на этот раз оказалось на стороне самих обвиненных в «потрясении алтарей и тронов», поскольку не поверило обвинителям. Н.И. Тургенев записал в дневнике на третий день (!) после инквизиционных собраний Конференции в университете: «Суд над профессорами ужасен не по лицам, которые его производят, а по духу, который он свидетельствует. Что с этим будет? Мне даже думать об этом несносно. Будет ли это описано когда-нибудь?» [9, с. 184]. Приходится признать, что и спустя почти два века объективное и документированное описание университетского кризиса 1821 г. еще не завершено.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00528).

Источники

- Арс. – О жизни и ученых трудах академика Константина Ивановича Арсеньева // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым / Изд. П. Пекарским. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1872. – С. 1–78.
- Два доноса – Два доноса в 1831 г. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Рус. старина. – 1899. – № 1–3. – С. 67–87; 289–314; 607–631.
- Магн.1 – М.Л. Магницкий. Записки. Доносы об иллюминатстве в России. 1831 // Научный архив С.-Петерб. Ин-та истории Рос. акад. наук. Ф. 115. Оп. 1. Д. 219. 119 л.
- Рунич – Из записок Д.П. Рунича // Рус. старина. – 1896. – Т. 88. – № 11. – С. 279–319.
- Магн.2 – Магницкий М.Л. Православное просвещение / Сост. и предисл. А.Ю. Минакова, коммент. С.В. Хатунцева. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – 528 с.
- АБТ – Архив братьев Тургеневых: в 7 вып. – Пг.: Тип. Академии наук, 1921. – Вып. 5: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1821 годы. – 528 с.
- ЦГИА СПб. – О происшествии, случившемся в Императорском СПб. Университете. 1821 // Центр. гос. ист. архив СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2640. 15 л.
- РГИА 1 – По прошению профессора СПб. университета Раупаха о дозволении ему выехать за границу // Рос. гос. ист. архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 273. 15 л.
- Кр. записка – Краткая записка об Общем Собрании Императорского Санкт-Петербургского Университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 г. // ЧОИДР (Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских). – 1866. – Кн. 3. – С. 63.
- Греч – Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М.: Книга, 1990. – 396 с.

- Материалы – Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919. Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Под ред. С.В. Рождественского. – Петроград: 2-я Гос. тип., 1919. – Т. 1: 1819–1835. – 760 с.
- РГИА 2 – О вредном учении, обнаруженном в преподавании некоторых профессоров // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 382. 286 л.
- Савельев – Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского // Сенковский О.И. Собр. соч.: в 9 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1858. – Т. 1. – С. V–CLIX.
- Уваров – Письма С.С. Уварова Александру I 18 и 20 ноября 1821 г. // Сухомлинов М.И. Материалы для истории просвещения в царствование императора Александра I: в 2 т. – СПб.: тип. Ф.С. Сушинского, 1866. – Т. II. – С. 382–385.

Литература

1. Костина Т.В. Риторика профессоров русских университетов в аргументации увольнения сочленов корпорации (первая треть XIX в.) // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 166–197.
2. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. – СПб.: Лики России, 2009. – С. 487–529.
3. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Петербургского университета // Очерки по истории Петербургского университета. Вып. VII. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 56–74
4. Вишленкова Е.А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отеч. история. – 2002. – № 4. – С. 22–35.
5. Ефимова В.В. Этноконфессиональные проблемы в деятельности генерал-губернаторов Европейского Севера России (1820–1830). – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. – 182 с.
6. Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 258–278.
7. Минаков А.Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – С. 267–307.
8. Рождественский С.В. «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета» и его ближайшая судьба // Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919. Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Под ред. С.В. Рождественского. – Петроград: 2-я Гос. тип., 1919. – Т. 1: 1819–1835. – С. III–CVI.
9. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. – СПб.: Тип. 1-й Спб. трудовой артели, 1909. – 696 с.
10. Скрьдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашов. 1770–1837. – СПб.: ИД Петрополис, 2016. – 264 с.

Поступила в редакцию
01.04.19

Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 96–111

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111

The Case of Professors in 1821 at St. Petersburg University: New Interpretations

T.N. Zhukovskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034 Russia

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

Received April 1, 2019

Abstract

The academic conflict of 1821 at St. Petersburg University became a manifestation of the crisis of the liberal university model borrowed in 1802–1804 from Germany and was reflected in the first university statutes. This model failed to provide the independence of thinking and conduct in the small academic society or the status of the Russian university in the system of state institutions, which remained uncertain. In 1821, an attempt was made to replace the secular university with the clerical one, fully controlled from the outside, by the police department. This university in its pure form did not exist anywhere in Europe, but by 1821 it developed as an image in the program texts of M.L. Magnitsky and D.P. Runich, the ideologists of the counter reforms. The case of professors denounced the crisis of the former model of university management through its trustees, who in the previous two decades ensured the development of university centers by their authority and relations with Europe. This type of trustees was embodied by A. Chartoryisky in Vilna, S. Pototsky in Kharkiv, N.N. Novosiltsov and S.S. Uvarov. They were replaced by trustees-auditors, the accusers of the discovered administrative problems in the structure of universities, abuses of their predecessors, and also the spirit of “free-thinking and godlessness” found by them in teaching, which allegedly threatened the strength of the state. Audit as a special style of administration, approved in the field of education at the turn of the 1820s, corresponded to the methods of direct control in the new governorships created in the last years of the reign of Alexander I. This testifies to the regularity of the phenomenon of D.P. Runich and M.L. Magnitsky, but still does not explain the collapse of the career of the auditors and the demoralizing effect of the case of professors on the university society.

Keywords: history of St. Petersburg University, professors, Ministry of Spiritual Affairs and Public Education, main board of schools, D.P. Runich, M.L. Magnitsky

Acknowledgments. This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (project no. 16-06-00528).

References

1. Kostina T.V. The rhetoric of Russian university professors in the arguments for the dismissal of the fellow-members of university corporations in the early 19th century. *Dialog so Vremenem*, 2011, no. 36, pp. 166–197. (In Russian)
2. Andreeva T.V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v. Pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie* [Secret Societies in Russia during the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion]. St. Petersburg, Liki Ross., 2009, pp. 487–529. (In Russian)
3. Zhukovskaya T.N. S.S. Uvarov and revival of St. Petersburg University. In: *Ocherki po istorii Peterburgskogo universiteta* [Essays on the History of St. Petersburg University]. St. Petersburg, Izd. SPbGU, 1998, no. VII, pp. 56–74. (In Russian)
4. Vishlenkova E.A. The inspector or the case of university checking in 1819. *Otechestvennaya Istoriya*, 2002, no. 4, pp. 22–35. (In Russian)

5. Efimova V.V. *Etnokonfessional'nye problemy v deyatel'nosti general-gubernatorov Evropeiskogo Severa Rossii (1820–1830)* [Ethno-Confessional Problems in the Activity of Governor-Generals of the European North in Russia (1820–1830)]. Petrozavodsk, Izd. PetrGU, 2017. 182 p. (In Russian)
6. Zhukovskaya T.N. “Secret societies”, “riots” of students and forbidden lectures: Political trends in the pre-reform university. In: *Uroki istorii – uroki istorika. Sbornik statei k 80-letiyu Yu.D. Margolisa (1930–1996)* [Lessons of History – Lessons by a Historian. Collection of Papers Dedicated to the 80th Birth Anniversary of Yu.D. Margolis (1930–1996)]. Dvornichenko A.Yu. (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Ist., 2012, pp. 258–278. (In Russian)
7. Minakov A.Yu. Mikhail Leont'evich Magnitsky. In: *Protiv techeniya: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoi treti XIX stoletiya* [Upstream: Historical Portraits of Russian Conservatives in the First Third of the 19th Century]. Voronezh, Voronezh. Gos. Univ., 2005, pp. 267–307. (In Russian)
8. Rozhdestvenskii S.V. “Primary education at St. Petersburg University” and its future fate. In: Rozhdestvenskii S.V. (Ed.) *Sankt-Peterburgskii universitet v pervoe stoletie ego deyatel'nosti 1819–1919. Materialy po istorii S.-Peterb. un-ta* [St. Petersburg University during the First Century after Its Establishment in 1819–1919. Proceedings on the History of St. Petersburg University]. Petrograd, B.i. (2-ya Gos. tip.), 1919, vol. 1: 1819–1835, pp. III–CVI. (In Russian)
9. Semevskii V.I. *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov* [Political and Social Ideas of the Decembrists]. St. Petersburg, Tip. 1-i Spb. Trud. Arteli, 1909. 839 p. (In Russian)
10. Skrydlov A.Yu. *Na sluzhbe Rossii: Aleksandr Dmitrievich Balashov. 1770–1837* [In the Service of Russia: Aleksandr Dmitrievich Balashov. 1770–1837]. St. Petersburg, ID Petropolis, 2016. 264 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Жуковская Т.Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 96–111. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111. ⟩

⟨ **For citation:** Zhukovskaya T.N. The case of professors in 1821 at St. Petersburg University: New interpretations. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 96–111. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.96-111. (In Russian) ⟩